

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
ЛАБОРАТОРИЯ СОЦИАЛЬНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

**Человек в меняющемся мире.
Проблемы идентичности и социальной адаптации
в истории и современности**

Издательство Томского университета
2015

УДК 94+316+572
ББК 63.1+60+28.71
Ч392

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук *Д.А. Функ*,
д-р ист. наук *Л.В. Дериглазова*,
д-р ист. наук *И.В. Нам (отв. ред.)*,
д-р ист. наук *О.А. Харусь (отв. ред.)*,
к.и.н. *Г.Н. Алишина, А.А. Рассказчикова*

Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной
Ч392 адаптации в истории и современности: Сб. науч. ст. – Томск:
Изд-во Том. ун-та, 2015. – 296 с.

ISBN 978-5-7511-2366-6

Издание представляет собой сборник научных статей, подготовленных по материалам международной междисциплинарной научной конференции «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности: методология, методика и практики исследования», проходившей в Томске 14–15 октября 2014 г. Статьи посвящены анализу проблем идентичности в различных ее проявлениях и формах репрезентации в условиях глобальных социальных потрясений XIX–XXI вв.

Для широкого круга читателей – историков, антропологов, этнологов, политологов, социологов и всех, интересующихся проблемами идентичности и социальной адаптации человека в России и в мире.

УДК 94+316+572
ББК 63.1+60+28.71

Издание осуществлено при финансовой поддержке гранта Правительства РФ П-220 (договор № 14.В25.31.0009) и Научного фонда им. Д.И. Менделеева

ISBN 978-5-7511-2366-6

© Коллектив авторов, 2015
© «Национальный исследовательский
Томский государственный университет», 2015
© Лаборатория
социально-антропологических исследований, 2015

28. Chernienko D. Ukraintsy na Iuzhnom Urале: istoriia i sovremennyye etnokul'turnye protsessy, *Transformatsiia etnicheskoi identichnosti v Rossii i v Ukraine v postsovetskii period* [Ethnic identity transformation in Russia and in Ukraine in post-Soviet period]. Moscow: IEA RAN, 2013, pp. 131–149.

29. Chizhikova L.N. *Russko-ukrainskoe pogranich'e: istoriia i sud'by traditsionno-bytovoï kul'tury* [Russian-Ukrainian borderlands: history and destinies of traditional everyday culture]. Moscow: Nauka, 1988. 256 p.

30. Shilovskii M.V. Etnosotsial'nye protsessy v Sibiri na rubezhe XIX-XX v. v sovremennoi istoriografii (1991-2004 gg.), *Traditsii ekonomicheskikh, kul'turnykh i obshchestvennykh svyazei stran Sodruzhestva (istoriia i sovremennost')*. Sb. nauch. trudov [Traditions of economic, cultural and social connections in the countries of the Commonwealth of Independent States (history and the present). Collected scientific studies]. Omsk: Omskii un-t, 2005, Vol. 3, pp. 30–48.

УДК 93/94

DOI 10.172239785751123666/16

Г.Н. Алишина

«РЯЖЕННЫЕ “ГОЛЛАНДЦЫ”»: СПОР ОБ ИДЕНТИЧНОСТИ МЕННОНИТОВ РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ¹

Статья посвящена дискуссии об идентичности меннонитов Российской империи, развернувшейся в годы Первой мировой войны. Рассматриваются позиции сторон в этом споре, их аргументация и мотивы. Прослеживаются предыстория и ход дискуссии. Обсуждение вопроса об идентичности российских меннонитов в условиях войны переросло в спор о лояльности этой конфессиональной группы.

Ключевые слова: меннониты, Первая мировая война, идентичность.

Введение. Вопрос об идентичности может выходить за пределы сугубо личного выбора и становиться предметом всеобщего обсуждения. Условиями для этого чаще всего служат обстоятельства политического толка (война, спор о территориях, неравенство в положении регионов и проч.), которые актуализуют проблему само- и взаимопределения участников событий. Прямая заинтересованность сторон, участвующих в споре об идентичности, наиболее выпукло

¹ Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 №14.В25.31.0009).

проявляет механизмы ее конструирования как самими носителями, так и неравнодушным окружением.

В качестве конкретного исторического примера можно привести развернувшуюся в годы Первой мировой войны дискуссию об идентичности меннонитов, проживавших на территории России. Участие страны в войне против Германии и кампания по «борьбе с немецким засильем» перевели вопрос о национальной принадлежности этого конфессионального сообщества в плоскость вопроса о его лояльности. Это обстоятельство кратно усилило накал страстей при выяснении, кем же все-таки являются и считают себя меннониты, интересы какой державы преследуют и, соответственно, представляют ли они угрозу для страны проживания.

Предыстория дискуссии. До того времени окружающее население и представители власти считали меннонитов немцами. Появились они в России вместе с немецкими колонистами, можно сказать, в рамках одной и той же переселенческой волны, говорили на немецком языке. В конструировании этой идентичности, приписанной внешним окружением, прослеживается явная инерционность и весьма распространенный эффект восприятия мигрантов, который можно обозначить как «все чужое одинаково». Не вдаваясь в какие-либо тонкости и подробности, принимающее мигрантов общество маркирует их неким общим термином, не имеющим к переселенческой группе прямого отношения или не совсем точно отражающим ее национальную, этническую, конфессиональную и проч. принадлежность. Для меннонитов, проживавших в Российской империи, таким «ярлыком» стало определение «немцы». До начала Первой мировой войны это не встречало со стороны меннонитов явных возражений. Сами себя они предпочитали идентифицировать по конфессиональной принадлежности, четко при этом отделяясь от немцев, исповедовавших лютеранство, католицизм или баптизм.

В основе разразившейся дискуссии лежали и давно наметившиеся, но до поры находившиеся в латентном состоянии претензии окружения к меннонитам. Мигранты часто раздражают своей инаковостью. Самым раздражающим культурным отличием меннонитов была, разумеется, конфессиональная принадлежность. Церковные и светские власти опасались меннонитской религиозной пропаганды среди православного населения.

Куда более приземленным и весьма значительным поводом для претензий к меннонитам являлись их хозяйственные успехи и внушительные земельные владения, особенно раздражавшие окружаю-

щее население на фоне разразившегося в стране аграрного кризиса. В очерке о меннонитах, подготовленном для властей, указывалось, что «громадные земельные участки меннонитов ... вызывают невольную зависть в окружающем малороссийском населении и служат источником непрекращающегося антагонизма между ним и меннонитами» (РГИА 1915–1916: 114–114об).

И, наконец, третьей «слабой стороной» меннонитов являлось их принципиальное отрицание войны и, соответственно, службы в армии, что в условиях начавшегося военного конфликта являлось прямо-таки «красной тряпкой» для патриотично настроенных слоев российского общества.

Конструирование меннонитами «безопасной» идентичности.

Понимая уязвимость своего положения, с самого начала войны меннониты стремились показать свою лояльность и преданность Российскому государству, приступив к конструированию идентичности по принципу «я тот, кем себя демонстрирую». Ими устраивались молебны о победе русского оружия (Русские ведомости 1914: 6 нояб.), делались пожертвования в пользу армии (РГИА 1915–1916: 25), организовывались лазареты для раненых воинов (Новое время 1914: 13 авг.). Они сами предложили правительству компромисс, чтобы меннониты-ратники служили в действующей армии, но в качестве санитаров (Русские ведомости 1914: 6 нояб.). Это предложение было принято властями, тем более что санитаров катастрофически не хватало (Нелипович 2009: 91). По многим свидетельствам, к своим военным обязанностям меннониты относились очень ответственно. Санитары из их числа высоко ценились на фронте. Очевидцы отмечали их трудолюбие и трезвость. О высоких моральных качествах санитаров-меннонитов рассказывали даже вернувшиеся из германского и австрийского плена врачи (Нелипович 2009: 91).

Таким образом, меннониты вели себя как образцовые подданные воюющего государства. Даже негативно настроенные к ним представители местной власти отмечали их вклад в «общее дело победы», но при этом не упускали возможности подчеркнуть демонстративность и даже «показушность» подобных акций (РГИА 1915–1916: 25об.). В итоге все усилия по конструированию идентичности «преданных подданных Российской империи» не уберегли меннонитов от опалы. Их не только по-прежнему считали немцами, но даже стали определять как особенно опасных немецких колонистов (РГИА 1915–1916: 26; Новое время 1916: 6 сент.).

По мере развития военного конфликта, когда идентичность «немец» стала пониматься как идентичность «враг», меннониты все настойчивее начали заявлять о своем голландском, а вовсе не немецком происхождении, апеллируя к истории своего вероучения и миграций. Они признавали, что долгое время находились в польском подданстве, а после разделов Польши некоторые из них оказались на территории, отошедшей к Пруссии. Но при этом меннониты утверждали и подчеркивали, что перешли в прусское подданство «не по своей воле» (РГИА 1916–1917: 8, 11). Особенно подстегнули этот виток конструирования «голландской» идентичности ликвидационные законы, нацеленные на борьбу с немецким землевладением в Российской империи (2 февраля 1915 г. были приняты законы о ликвидации немецкого землевладения, а 13 декабря 1915 г. они были снабжены рядом дополнительных правил). Пытаясь вывести себя из-под их действия, меннониты с завидным упорством писали прошения во властные структуры вплоть до министра внутренних дел и даже Сената, настаивая на своем ненемецком происхождении (РГИА 1916–1917: 8–8об.). Они убеждали в своей преданности Российскому государству и даже говорили о глубокой обиде, вызванной подозрениями в их адрес: «Нет границ горю меннонитов, потому что Родина отвернулась от нас» (РГИА 1916–1917: 8об.).

Дискуссия вокруг идентичности меннонитов. Среди обществности и в правительственных кругах имелись как сторонники меннонитов, поддерживавшие их версию и подчеркивавшие их полезность для государства, так и противники, настаивавшие на том, что меннониты являются немцами и преданы интересам Германии. Общественные дискуссии нашли свое отражение в публицистике (периодические издания, брошюры, очерки), чиновничьи – в официальных документах (прошения, справки, отчеты, официальная переписка и проч.).

Во властных структурах преобладало мнение о том, что меннониты – это немцы и движет ими преданность германским интересам. В качестве подтверждения приводился кропотливый разбор их этнического состава и истории миграций с опорой на пребывание (пусть и кратковременное) в германском подданстве (РГИА 1916–1917: 70–72об.). Вторым их аргументом было описание порядков, распространенных у меннонитов. Особенно упирали на их обособленность (РГИА 1915–1916: 25–25об.), слабое владение русским языком (РГИА 1916–1917: 62) (контраргументом защитников меннонитов

служило утверждение, что немецкий язык был привит меннонитам искусственно самими же российскими властями, так как все сношения с колониями переселенцев велись на немецком языке (РГИА 1916–1917: 11–11об.), презрительное отношение и даже угнетение местного населения (РГИА 1915–1916: 25, 26), религиозную пропаганду (в том числе в войсковых частях) (РГИА 1915–1916: 117об.; РГИА 1916–1917: 63–64; Гиляревский 1915: 15), льготы по части службы в армии (их службу в качестве санитаров расценивали как «совсем легкую по сравнению со службой в войсках») (РГИА 1915–1916: 26)), а также враждебность к России и явные симпатии к Германии (РГИА 1915–1916: 25об.; РГИА 1916–1917: 62). Екатеринбургский губернатор сообщал в Департамент общих дел, что за 1914–1915 гг. у 885 меннонитов было найдено и конфисковано оружие, что преподносилось как сомнение насчет их принципиального неприятия последнего (РГИА 1915–1916: 25об.).

Явным свидетельством того, что власть предпочитала видеть в меннонитах немцев, является то, что дважды этот вопрос рассматривался в одной и той же структуре – комиссии А.С. Стишинского (РГИА 1916–1917: 44). Было верхом наивности полагать, что, сделав однажды вывод о распространении на меннонитов ликвидационных законов, комиссия, спустя какое-то время, опровергла бы сама себя. В данном случае даже выбор структуры для решения вторично поднятого вопроса наглядно демонстрирует истинную позицию центральной власти.

Однако были среди представителей государственных структур и сторонники мнения о лояльности меннонитов. Министр юстиции Н.А. Добровольский вскоре после своего назначения на должность ходатайствовал о пересмотре вопроса насчет включения меннонитов в состав немецких колонистов, чьи землевладения должны были ликвидироваться (Утро России 1917: 28 янв.) (именно по его инициативе этот вопрос был вторично изучен, правда, все той же и уже упомянутой комиссией). Эта группа представителей власти опиралась в своих рассуждениях на прагматичные доводы, доказывая, что ликвидация землевладения меннонитов нанесет большой вред хозяйству губерний, где они компактно проживали, и страны в целом. Последнее расценивалось как весьма нежелательное явление в условиях ведения изнурительной войны.

Еще более ожесточенные «баталии» по поводу идентичности меннонитов велись в пространстве общественного мнения, в прессе

и в парламенте. Партии и издания консервативного и националистического толка называли меннонитов «внутренними врагами», «ряжеными “голландцами”», «“голландцами” из Пруссии», обвиняя их в предательстве и отстаивании германских интересов.

Радикальная пресса расценивала меннонитское вероучение как «удобное» в военное время и возмущалась: «Скажите на милость, какие нашлись еще господа! Они могут жиреть на русской земле, а как доходит дело до защиты их очагов – так для этого подавай им русских!» (Земщина 1915: 20 марта).

Вершиной обоснования опасности меннонитского элемента для российской государственности явилось появление книг на эту тему. Так, в 1916 г. был издан очерк С.Д. Бондаря (Бондарь 1916), в котором, по словам корреспондентов «Нового времени», была изложена история «той верви немецкого нашествия на Россию, которая пользовалась наибольшими преимуществами, наиболее сильным покровительством и в то же время более других внесла противоречий в земельное устройство крестьян» (Новое время 1916: 6 сент.).

Либеральные круги и пресса были куда осторожнее в суждениях и даже время от времени выступали в защиту меннонитов, указывая на их полезность для государства, а также демонстрируемую лояльность и преданность. Позиции радикальных газет противостояли материалы, публиковавшиеся в других периодических изданиях: «День», «Современное слово», «Русская мысль», «Русские ведомости» и др. Резонанс, например, вызвала статья профессора К. Линдемана, в которой приводились доказательства лояльности южно-русских меннонитов по отношению к России. В качестве аргументов служили сведения о пожертвованиях на нужды войны, об устройствах ими лазаретов, об учреждении местных комитетов для помощи семьям воинов и проч. (Русские ведомости 1914: 6 нояб.). Реакция на эту статью последовала незамедлительно. Уже через неделю в «Новом времени» появились две заметки с критикой в адрес К. Линдемана (Новое время 1914: 11, 14 нояб.).

Против ликвидации немецкого землевладения как такового и меннонитского в частности высказался лидер кадетской партии П.Н. Милюков. В одном из своих выступлений он упомянул, что включение Екатеринославской губернии в сферу действия закона о ликвидации немецких земель было обусловлено расчетом властей на то, что «эта мера обеспечит русских помещиков на сто лет от аграрных беспорядков и кадетского отчуждения» (РГИА 1915: 11).

За годы войны полемика вокруг вопроса об идентичности меннонитов обострялась дважды: в 1915 г., когда только были изданы первые ликвидационные законы, и в конце 1916 – начале 1917 г., когда принятые узаконения стали претворяться в жизнь. Оба раза попытки меннонитов продемонстрировать свою преданность государству и апеллировать к истории оказались безуспешными. Им так и не удалось убедить власть и общественность в своей ненемецкой идентичности.

Заключение. Участие России в Первой мировой войне резко обострило вопрос о лояльности проживавших на тот момент в стране немецких колонистов. К числу последних были отнесены и меннониты, являвшиеся самобытной конфессиональной группой, также переселившейся в Российскую империю в XVIII–XIX вв. Отнесение их к «неблагонадежным элементам», несмотря на все представленные доказательства обратного, свидетельствует о тенденции к расширению состава «внутренних врагов» по мере развития военного конфликта. На примере меннонитов видно, что заподозренная в нелояльности группа всячески старается показать и доказать свою преданность интересам страны. В таких условиях она сначала идет путем демонстрации благонадежности, а потом, когда власть и общество определяются с критерием выявления «внутренних врагов» (например, национальная принадлежность), всеми силами старается подтвердить свое несоответствие выделенному признаку. Однако опыт меннонитов свидетельствует о заведомой тщетности подобных усилий.

Источники и литература

1. *Бондарь С.Д.* Секта меннонитов в России. Очерк. СПб., 1916. 207 с.
2. *Гильяревский А.* Немецкое засилье в русской народно-религиозной жизни. Нижний Новгород: Типография Ниж. Губ. Правления, 1915. 26 с.
3. *Земщина.* СПб., 1915.
4. *Нелипович С.Г.* Военное ведомство и меннониты России в Первой мировой войне (1914–1918 гг.) // Этнические немцы России: Исторический феномен «народа в пути». Материалы XII международной научной конференции. Москва, 18–20 сентября 2008 г. М., 2009. С. 85–103.
5. *Новое время.* СПб., 1914–1916.
6. *РГИА* (Российский государственный исторический архив). Ф. 821. Оп. 133. Д. 319. Обследование современного состояния секты меннонитов в России (отзывы губернаторов) за 1915–1916 г.
7. *РГИА.* Ф. 1483. Оп. 1. Д. 20. «Всеподданнейшие» прошения, записки, особые журналы Особого комитета по борьбе с немецким засильем и переписка об ограничении прав меннонитов Екатеринославской и Таврической губерний на основании узаконений 2 фев. и 13 дек. 1915 г. о ликвидации иностранного землевладения за 1916–1917 г.

8. РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 29. Газетные вырезки по вопросу ликвидации немецкого засилья за 1915 г.

9. *Русские ведомости*. М., 1914.

10. *Утро* России. М., 1917.

Alishina Galina N.

National Research Tomsk State University

galinaalishina@gmail.com

"Maskers "Dutchmen"": a dispute about the identity of Mennonites in Russia during World War I

The article deals with the discussion of identity of Mennonites in the Russian Empire. The factor that sparked this discussion was the First World War and the clash of Russia with Germany and Austro-Hungary. The rise of anti-German moods in the country led to a whole range of discriminatory measures taken against the German population of the Russian Empire. The Mennonites, as a specific ethno-confessional group with a long and complex history of migrations, fell within this category as well.

Not willing to be among the “enemies within”, the Mennonites actively positioned themselves as loyal citizens of the Russian state and insisted on their Dutch origin. In the public and political sphere, a discussion was inflamed as to the identity of Mennonites which under the circumstances of the time turned into one over their loyalty. There were both those who advocated harmlessness of the Mennonites and those who spoke of the ‘Mennonite threat’ to the country. In time of war, the latter prevailed considering it necessary to apply discriminatory measures against the Mennonites on a par with the German population of the Russian Empire.

Keywords: Mennonites, the Russian Empire, World War I, identity.

References

1. Bondar' S.D. *Sekta mennonitov v Rossii. Ocherk* [Mennonites in Russia. Essay]. St. Petersburg, 1916. 207 p.

2. Giliarevskii A. *Nemetskoe zasil'e v russkoi narodno-religioznoi zhizni* [German domination in Russian people's religious life]. Nizhnii Novgorod: Tipografiia Nizh. Gub. Pravleniia, 1915. 26 p.

3. *Zemshchina* [Zhemshchina]. St. Petersburg, 1915.

4. Nelipovich S.G. *Voennoe vedomstvo i mennonity Rossii v Pervoi mirovoi voine (1914-1918 gg.)* [Military authorities and the Mennonites in Russia during World War I (1914-1918)]. *Etnicheskie nemtsy Rossii: Istoricheskii fenomen «naroda v puti». Materialy XII mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Moskva, 18-20 sentiabria 2008 g.* [Ethnic Germans in Russia: Historical phenomenon of “nation on the road”. Materials of XII international scientific conference. Moscow, September 18-20, 2008]. Moscow, 2009, pp. 85–103.

5. *Novoe vremia* [The new times]. St. Petersburg, 1914-1916.

6. *RGIA (Russian State Historical Archive)*, 1915-1916, F. 821, In. 133, C. 319.

7. *RGIA*, 1916-1917, F. 1483, In. 1, C. 20.

8. *RGIA*, 1915, F. 1483, In. 1, C. 29.

9. *Russkie vedomosti* [The Russian news]. Moscow, 1914.

10. *Utro Rossii* [The morning of Russia]. Moscow, 1917.